
Ревизорша
Вера Правдина

Вера Правдина
Ревизорша

https://litres.ru/74796564
SelfPub; 2026

Аннотация

Столичная штучка, оставившая в прошлом рутину, чужие обязательства и заработанный кровавыми мозолями от шариковой ручки статус именитого корреспондента многотиражки, решается на крутой поворот: променять городской асфальт и квартиру с роботом-пылесосом и стиралкой-автоматом на генерала в лесной берлоге, избушку на курьих ножках и сосновый воздух. Казалось бы, впереди тихая гавань, домашние баночки с грибами, прогулки с верной собакой и грядки с морковкой.

Но у судьбы своё чувство юмора. Чтобы не заскучать в глуши, героиня устраивается простым корреспондентом в районную газету — и с порога оказывается в самом эпицентре сельских страстей, кабинетных интриг и местных «валетов».

«Ревизорша» — честная, острая и искромётная история о том, что в любом возрасте не поздно начать жизнь с чистого листа, сохранить чувство юмора под любым ветром и доказать, что настоящая любовь стоит любых перемен.

Содержание

Вместо предисловия. ПРИСТЕГНУЛИСЬ СКРЕПКАМИ — ОТ ВИНТА! 4
Глава 2. ЯРМАРКА ВАКАНСИЙ. 17
Глава 3. СЕКТОР «ПРИЗ» НА 25
Глава 4. РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ, ИЛИ СВИДАНИЕ ПОД ПРИКРЫТИЕМ 37
Глава 5. КАБЛУЧКАМИ ПО СУГРОБАМ, ИЛИ СЕКРЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ КРОХИ 47
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Вера Правдина
Ревизорша

Вместо предисловия. ПРИСТЕГНУЛИСЬ СКРЕПКАМИ — ОТ ВИНТА!

К чёрту пафос и траурные фанфары!

Признаюсь честно: в какой-то момент я чуть было не возомнила себя великим гуру по укрощению бюрократии и едва не собралась уморить вас, дорогой читатель, скучными нравоучениями о том, как правильно сражаться с носителями бумажных корон и дыроколов.

Нет уж, тысяча чертей! Шариковую ручку мне в глаз и подшивку «Районных ведомостей» на голову, если я когда-нибудь превращусь в зануду! Прямо сейчас весь мой внутренний мир буквально бурлит от предвкушения вашего знакомства с… РЕВИЗОРШЕЙ.

Ну, здрасьте! Это я!

И сразу предупреждаю: перед вами не мемуары нафталинового пенсионера, который сидит в кресле-качалке у камина и перебирает пожелтевшие вырезки из старых газет. Нет, дорогие мои! Эта книга пишется буквально с колёс — в ре-

жиме реального времени, в самом эпицентре событий.

Битва с царством канцелярских скрепок и высоких кабинетов ещё далеко не закончена. Пока вы читаете эти строки, в провинциальных приёмных продолжают шуршать циркуляры, скрипят перья, строчатся объяснительные, а очередные «большие боссы» нервно пьют валерьянку. Так что устраивайтесь поудобнее: мы с вами выходим в прямой эфир прямо из гущи местного бюрократического террариума.

И здесь — мой особый, низкий реверанс родной журналистской братии, их неутомимым вдохновителям — заработавшимся в высоких кабинетах идеологам, — а также всем мужественным обитателям офисных джунглей! Тем самым героям невидимого фронта, кто не понаслышке знает, что такое кровавые мозоли от шариковой ручки, профессиональные натоптыши на кончиках пальцев от компьютерной мыши и клавиатуры, хронический недосып от квартальных отчётов и нервный тик при слове «планёрка». Эта книга — для вас и про вас!

Попав в этот невероятный бюрократический переплёт, щедро сдобренный реалити-шоу моих первых судебных заседаний с самопровозглашённой императрицей уездного станка, я вдруг поймала себя на остром приступе нежности к своей прошлой жизни. Мне до дрожи захотелось облабызать всех строгих редакторов и ответственных секретарей моей родной столичной прессы! Даже тех грозных профи, которые сурово журили меня за пятиминутные опоздания и проводи-

ли настоящую, безжалостную, но гениальную редакторскую работу над каждой строчкой. Прямо как маме дяди Фёдора из «Простоквашино», мне хочется расцеловать их всех и с чувством воскликнуть:

— Родные мои, дорогие мои, а как поправились-то, а как загорели!

Ведь только в сравнении с здешним заповедником бумажных королей начинаешь по-настоящему ценить людей, для которых главным богом всегда оставался живой, честный текст.

Поехали! К вам едет Ревизорша!

Ваша Вера Правдина

ЧАСТЬ 1. Глава 1. Чем заканчиваются командировки на "Поле грехов"

А началось всё с классического сюжетного поворота. Журналист крупной столичной газеты, отдавший большой прессе не одно десятилетие, вдруг срывается с насиженного места, оставляет блестящую карьеру, налаженный быт и уезжает в тихую провинцию.

Читатель наверняка поднимет бровь: «Постойте, а зачем? Что вообще может толкнуть москвичку предпенсионного возраста, у которой всё есть, переехать в глушь?»

Ответ прост и не подлежит обжалованию: только любовь.

Чтобы понять масштаб этого стихийного бедствия, нужно знать предысторию.

В ранней молодости я осталась одна с тремя детьми. Сце-

нарий банальный: первый муж был человеком-праздником, а я — тягловой лошадью. Шумных компаний не любила, поэтому отпускала благоверного на все четыре стороны: «Иди, дорогой, в турпоходы, в бани, на турслёты, только меня не трогай, мне работать надо».

Он и ходил... Пока не доходился. Особенно сильно наш человек-праздник утомился, когда родился третий ребёнок. Устал настолько, что завёл новую музу и торжественно удалился в закат. Помню, даже наш районный судья — человек бывалый, который обычно до последнего пытается мирить семьи и даёт испытательные сроки — взглянул на это сокровище, вздохнул, понял, что сохранять тут решительно нечего, и молча шлёпнул штамп о разводе. Получив его, я задалась вечным вопросом: что делать и где взять средства к существованию? Одной журналистской зарплаты едва хватало на текущие подвиги, а у меня была святая мечта — заработать денег, отвезти детей к морю, показать им это величественное зрелище и оздоровить на южном солнце.

Ради великой цели я решила стать акулой капитализма. Взяла в аренду киоск и открыла свой маленький мелкорозничный бизнес. План казался надёжным, как швейцарские часы. Но не был учтен сущий пустяк: с цифрами я дружила примерно так же, как балерина с отбойным молотком. Доверчивостью романтика тут же воспользовались ушлые поставщики, а нанятая мной продавщица оказалась настоящим гением бухгалтерии — она так виртуозно освоила искусство

подворовывания, что вскоре наворовала на сумму, сравнимую для меня с бюджетом небольшого курортного городка.

Пришлось торжественно закрыть лавочку и признать: торговля — это не моё, моё оружие — перо. Но вместе с закрытым киоском мне в наследство достался огромный кредит, который я сдуру взяла на «развитие бизнеса».

Картина маслом: трое детей, зарплата почти подчистую уходит банку, а впереди — глухая тоска. Наступили времена высокой кулинарии. Я научилась из обычных куриных горлышек создавать меню мишленовского ресторана: из косточек варился наваристый бульон для супчика, а крошечные кусочки мяса бережно обдирались детям на второе.

Сидеть и жалеть себя в такой обстановке было опасно для психики. И чтобы хоть как-то развлечься, отвлечься от кредитной удавки и вспомнить, что я вообще-то женщина, я впервые в жизни зашла на сайт знакомств. Просто посмотреть, что там за публика водится.

Публика там водилась, скажу я вам, заповедная — о некоторых тамошних «принцах» я ещё обязательно напишу отдельную главу, там каждый второй достоин музея. Но в тот вечер, уставшая от безденежья и суровой прозы жизни, я сработала строго по Пушкину: пришла пора — она влюбилась.

Причём влюбилась даже не в человека, а в образ. На аватарке светился загорелый брюнет в белоснежном поло, которое красиво прдчеркивало внушительные бицепсы. От их

вида у меня началось головокружение. В графе «место жительства» значилась солнечная Испания. Оказалось, что прекрасный незнакомец — болгарин с гордой фамилией Георгиевне. Он первый ребёнок в многодетной семье и самоотверженно помогает своей героической маме. О, как это впечатлило! С этого момента он стал отогревать моё замёрзшее сердце. Никаких пустых серенад — только искренние, как мне казалось, комплименты и настоящие поступки. Вернее один: он не пожалел денег на дорогой международный звонок из другой страны, просто чтобы услышать мой голос. При этом сам он не сидел в золотом замке, а, по его словам, вкалывал как папа Карло — работал плотником, своими руками создавая красивую мебель.

Моё чувство оказалось настолько глубоким и серьёзным, что я даже не смотрела по сторонам. Меня грела большая, солнечная мечта: вот-вот я соберу чемоданы и отправлюсь в Испанию, где меня ждут. В предвкушении этого счастья я даже сшила себе потрясающее платье — из воздушного синего шифона в пол. Когда я примеряла его перед зеркалом, то видела не измотанную кредитами многодетную маму, а королеву, готовую к новой жизни. Я была в нём просто неотразима.

Но у судьбы, как известно, своё чувство юмора и собственный маршрут. Пока я мысленно прогуливалась по испанской набережной в синем шифоне, на сайте знакомств мне написал один мужчина. И зацепило его одно-единствен-

ное слово в анкете — название моей любимой деревни ы Подмосковье. Выяснилось невероятное: оттуда родом была его любимая бабушка, и моя любимая бабушка тоже была оттуда. Всю жизнь, на все праздники и школьные каникулы мы оба ездили в одно и то же место. Разница в возрасте у нас была небольшая, но весомая для того, чтобы до сих пор не пересекаться. Никаких планов строить семью у меня и в голове не было, сердце ведь числилось в командировке в Испании. «Ну а почему бы не поговорить о родных местах?» — подумала я и легко согласилась принять гостя.

Звали моего земляка красиво и необычно — Лука. И появился он на пороге не с пустыми руками, а с огромным, неподъёмным пакетом вафель в шоколаде. При виде этой сладкой горы мои дети просто обалдели от восторга. Я же, как приличная хозяйка, всплеснула руками:

— Господи, Лука, ну зачем же ты так тратился?!

Ларчик открывался до смешного просто. Новый знакомый работал на кондитерской фабрике, и всё это шоколадное богатство досталось ему примерно как коту Матроскину - гуталин.

А дальше за кружкой чая случилось то самое совпадение по главным настройкам. Я люблю зелёный чай — и он любит зелёный чай. У меня трое сыновей - у него столько же дочерей от прошлых браков (удивило!) Одни и те же воспоминания о любимой деревне, примерно одинаковый взгляд на жизнь.

Но как мужчина Лука не вызывал у меня вообще никаких восторгов. Худой очкарик, с редкими русыми волосами, маленького роста — рядом с ним женщине о "шпильках" стоило забыть. Ну какой из него герой-любовник? А венчала весь этот образ абсолютно дурацкая шапка: сидела на голове как котелок, да ещё и с отстёгивающимися бараньими ушами. На фоне моего знойного испанского болгарина с аватарки Лука выглядел как трогательный персонаж старого советского мультика. К тому же известно: женщина любит ушами. А Лука на ласковые слова и нежности был скуп, как скупой рыцарь. За плечами у него было два брака, в кармане — ноль красноречия, и я со спокойной совестью записала его в разряд надёжных друзей.

И тут этот скромный, неразговорчивый «друг» устроил мне сюжетный поворот, к которому меня жизнь вообще не готовила. Наша самая первая встреча подходила к концу. Лука собрался уходить, натянул свой легендарный котелок с бараньими ушами, встал на пороге и вдруг совершенно будничным тоном произнёс:

— Выходи за меня замуж.

Сказать, что я офигела — это ничего не сказать. Я выпала в осадок, обомлела и на пару секунд забыла, как дышать. Не «давай встретимся ещё раз», не «может, сходим в кино», а сразу, с порога первой же встречи — в загс! Когда ко мне наконец вернулся дар речи, я глубоко вздохнула и честно выложила все карты на стол:

— Прости, Лука, но я другому отдана и буду век ему верна... Есть у меня горячий мачо в солнечной Испании, и я уже сшила платье для встречи с ним...

Лука выслушал этот монолог с олимпийским спокойствием, поправил бараньи уши на шапке, молча кивнул и пошёл домой.

И потекли обычные будни. Я по-прежнему грезила о мускулистом брюнете в белоснежном поло и тянула на себе весь быт: накормить, обстирать, старших собрать в школу, младшего отвезти в ясли, напевая: "Не плачь, девчо-о-нка, пройдут дожди..." Свободное время я посвящала редакционным будням, совмещая их с закрытием «бизнеса». А о Луке вспоминала ровно в те моменты, когда в доме случалась очередная поломка. Помимо кондитерской фабрики, у него была подработка — он разбирался в сантехнике и канализации.

Я звала его, когда протекала стиралка, случалось наводнение или ломался кран. У нас сложился идеальный симбиоз: я поила его горячим чаем и выслушивала, а он взамен занимался починкой.

Развязка наступила в один прекрасный вечер. В ванной он завозился с поломками очень уж поздно. Последний троллейбус уехал в депо. Как добропорядочный гражданин, Лука засобирался домой и начал надевать пальто. И тут я вдруг почувствовала его тайную надежду и решила вознаградить:

— Боже мой, Лука, ну куда ты? Тебе же завтра на работу. Мама простит, оставайся!

Не скрою: когда мой спаситель явился в спальню в таких же уморительных, как и его знаменитая шапка, белых трусах, я тяжело вздохнула, зажмурилась и на секунду мысленно представила своего испанца. Ну, так оно всё и случилось — неожиданно, по-житейски. Честно говоря, ни о какой великой любви с моей стороны тогда и речи не шло — просто пожалела человека по-бабски.

Так он и остался, и наш симбиоз продолжился. Повторно звать меня замуж Лука не стал, раз я отказала, но мы стали жить вместе. Предложение сделала я сама через год: негоже детям говорить, что у мамы сожитель. И мама вышла замуж. Больше всех этому союзу обрадовалась моя новоявленная свекровь. Она в меня буквально влюбилась — на фоне двух предыдущих невесток. Первая была гулящей девочкой - то и дело наставляла её сыну рога. Вторая - дамой взрывной настолько, что в порыве гнева могла запустить в него кастрюлей с кипящими макаронами. На их фоне я, тихо шуршащая на кухне и работающая на интеллигентной должности журналиста, показалась свекрови просто ангелом, спустившимся с небес. А то, что за спиной у ангела бегала орава из троих детей — так это сущий пустяк и дело житейское: Лука ровно на столько же любвеобилен. В этом многодетном масштабе и заключалась наша удивительная похожесть.

Правда, на практике никакой весёлой футбольной команды не получилось. Прошлая супруга Луки оказалась великой сказочницей и заранее начитала своим детям страшных ис-

торий про «злую мачеху». Эти сказки так впечатлили бедных деток, что первое время они даже опасались ко мне домой заходить, когда приезжали к папе. Но детей не обманешь — и однажды дочка Луки выдала фразу, которую он потом передал мне с тихой гордостью:

— А тётя Вера такая добрая… Не то что наша мама.

А дальше потекли спокойные будни. Лука сразу отдал зарплатную карточку, и мы стали так существовать — стабильно, надёжно. Но его скупость на ласку, красивые слова и тепло никуда не делась, и от этого во мне нет-нет да просыпалась тоска. К тому же обнаружился недостаток, из-за которого, подозреваю, и ушли прошлые жёны: он в упор не видел домашней работы. Его слишком увлекал интернет.

На пятом году нашей совместной жизни у моей свекрови произошёл инсульт, стала развиваться деменция, она потеряла память и порой не узнавала даже собственного сына. Мотаться на другой конец города, чтобы ухаживать за ней, было нереально — жизнь превратилась бы в кошмар. А не ухаживать за ней я не могла. Тогда я собрала своих сыновей за одним столом и сказала:

— Ну, дети, как быть? Не в дом же престарелых сдавать бабушку Машу. Потерпим, возьмём её к себе. Это будет по-человечески.

Мальчишки мои росли добрыми и чуткими и сразу согласились. Трое сыновей так и остались во второй комнате нашей двушки, больной свекрови я отдала свою комнату, а са-

ма с мужем переехала жить на кухню, поставив диван рядом с холодильником и плитой.

И всё начало рушиться. Во-первых, из-за тоски от недостатка ласки. А во-вторых, из-за того, что я так и не вышла из образа тягловой лошади, несмотря на наличие законного супруга. На одиннадцатом году жизни на даче рухнул сарай. Это и стало отправной точкой, когда окончательно рухнуло и моё терпение. Я с детьми поехала разбирать завалы, а Лука остался дома — «смотреть маму», как он сказал. Дети немного помогли, но им нужно было уезжать на работу. И я осталась одна. Сама перетаскала тяжёлые брёвна, сожгла пятью пионерскими кострами до неба гнилые деревяшки, сложила целые доски в три ровных ряда выше моего роста, навела порядок в инструментах и технике...

Оглянувшись на весь этот титанический труд, я задала себе один простой вопрос:

— А кто в этом доме мужчина? Получается, что я.

Конечно, я не закатывала скандалов. Я молча это проглотила, но залатать трещину в сердце уже было невозможно. К тому же живой женщине иногда хочется и ласки, и — простите за прямоту — секса, но мой супруг был слишком чист, чтобы заниматься таким «грязным делом». На кухонном диване снова поселилась тоска. А какой самый испытанный способ от тоски? Правильно — сайт знакомств. Я снова пошла по старой дорожке — но в отличие от прошлого раза не в поисках большой и светлой любви, а просто так, чисто

поржать, отвлечься - я ж замужем как никак.

За эти одиннадцать лет рынок знакомств претерпел массу изменений. Если тогда царила только пресловутая «Мамба», то теперь выбор расширился до космических пределов. Вернувшись спустя одиннадцать лет на это "Поле грехов", я просто обалдела. Глаза разбежались от изобилия площадок, и я выбрала самый удобный и первый попавшийся вариант — ну, если не первый, то третий. Какое-то приложение, даже не помню его название.

И не забываем мою главную цель: я сюда заглянула исключительно поржать, а не искать спутника жизни. Спутник у меня уже имелся под боком — какой-никакой, но была стабильность и уверенность, что он верен. Ну а для «грязных фантазий», раз уж дома царила кристальная чистота, как раз и существуют сайты знакомств. Тем более что я уже была не той наивной дурочкой, которая одиннадцать лет назад влюбилась в виртуального горячего болгарского мачо, проживающего в Испании и работающего там папой Карло.

Я, как стреляный воробей, исходя из своей цели чисто поржать, не стала ставить свою фотографию. Скачала фото виртуальной подруги ВКонтакте Лары, которую даже не знала в жизни, немножко изменила его с помощью фильтров, поставила как своё собственное и назвала себя Светой.

Глава 2. ЯРМАРКА ВАКАНСИЙ.

Стоило только нажать кнопку «Зарегистрироваться», как на нашу новоиспечённую Свету обрушился настоящий шквал. Видимо, отфотошопленная виртуальная подруга получилась настолько хороша, свежа и правдоподобна, что местные завсегдатаи приняли её за редкий, ещё не обстрелянный экземпляр. Ну ещё бы: Света сидела на полу, задорно скрестив стройные ножки. Белокурые волосы были собраны в небрежный узел на макушке, а игривые прядки-завлекалки спадали на белоснежное личико, на котором, как две звёздочки, сияли озорные голубые глаза. Объёмный пушистый джемпер лимонного цвета кокетливо приоткрывал аккуратное плечико — эту уютную вещицу так и хотелось потянуть вниз, чтобы она обнажила бутоны шикарных прелестей, обещающих райское наслаждение. Телефон зажужжал так, словно я случайно задела осиное гнездо. Ревизия началась с оглушительным аншлагом.

Первыми, разумеется, проснулись и ринулись в атаку «Джигиты на скакунах скоростного вай-фая» — горячие сыны гор, чьи славные предки веками парили над вершинами Кавказа, а сами они теперь с не меньшим размахом носились по просторам интернета. На фото сплошь пронзительные взгляды из-под густых бровей, ухоженные бороды и неизменные атрибуты красивой жизни — от тонированных

иномарок до накрытых с размахом застолий.

В атаку они шли без разведки и артподготовки. Не успела Света толком оглядеться, как её уже засыпали розами в стикерах, клятвами в вечном восхищении и предложениями немедленно украсть её сердце — а заодно и вечер. Для этих всадников цифрового века возраст и биография значения не имели. Раз красивая женщина появилась на горизонте, долг горца обязывает немедленно примчаться в личные сообщения на максимальной скорости соединения и бросить к её ногам весь мир — или хотя бы виртуальный букет из ста алых роз.

В каждом их сообщении безошибочно узнавался бессмертный товарищ Саахов — та же торжественная, чуть театральная интонация и непоколебимая уверенность в собственной неотразимости. Казалось, вот-вот с экрана прозвучит знаменитое: «Спортсменка, комсомолка и просто красавица!». Начиналось всё с щедрого фруктово-ягодного ассорти: «солнышко», «куколка», «мой сладкий персик».

Однако стоило приоткрыть этот яркий фантик, как за слащавым приветствием мгновенно следовала такая откровенная пошлость, что хотелось поскорее захлопнуть экран, словно форточку в мороз. После пары таких «дегустаций» ревизия по этой категории была закрыта окончательно и бесповоротно — сообщения от всадников скоростного вай-фая отправились в архив без права на апелляцию.

Второй типаж оказался полной противоположностью пер-

вым — настоящие «Диванные Сократы» или «Философы в клетчатых рубашках». Удивительно, но всех их словно отливали по одной форме: старомодные рубашки в клеточку, обязательно застёгнутые под самое горло на все пуговки, и очки, призванные, по всей видимости, придать лицу печать глубокой мысли.

В каждом таком кандидате безошибочно угадывался мой собственный Лука — словно его клонировали и расселили по просторам интернета. Та же пресная серьёзность, та же склонность к бесконечным нравоучениям, от которой дома я уже начинала потихоньку умирать со скуки, пока сам оригинал сутками пропадал на работе. Вместо «персиков» и букетов на меня обрушивались простыни извечных рассуждений о смысле бытия, несовершенстве мира и судьбах человечества. Философия, философия и снова философия — только до того пустая, далёкая от реальной жизни и тягучая, что от неё уже через пять минут начинала тяжелеть голова. Эти резонёры утомили меня в первый же день, и вскоре сообщения от «мыслителей в клеточку» отправились следом за двойниками Луки — в папку непрочитанного.

Третий типаж я мысленно окрестила «Самовлюблёнными самохвалами» — настоящими реликтовыми экспонатами, словно застрявшими в лихих девяностых. На фотографиях красовались холёные красавцы с модными стрижками, в увесистых золотых цепях, перстнях и непременно в одежде, где логотип бренда был крупнее самого владельца. Обя-

зательный атрибут — снимок на фоне крутой иномарки, чтобы ни у кого не осталось сомнений в масштабе личности.

В анкетах каждый из них величал себя не иначе как «успешным бизнесменом», у которого в жизни всё давно схвачено, построено и куплено. Для полного комплекта этим королям жизни не хватало лишь одной скромной детали — «чуда в халатике». Именно так, с барской снисходительностью, они формулировали свою главную мечту: им требовалась тихая, восхищённая домашняя фея, которая будет встречать их у порога в уютном халатике и слушать рассказы об их великих победах.

Четвёртая категория оказалась самой артистичной — «Непризнанные гении», или, как я их про себя прозвала, «Солисты оркестровых тарелок». В каждом из них безошибочно угадывался неподражаемый персонаж Михаила Светина из фильма «Любимая женщина механика Гаврилова» — человек якобы тонкой душевной организации и высокого искусства, чья реальная роль в симфоническом оркестре сводилась к тому, чтобы раз в полчаса звонко ударить в медные тарелки.

Такой публики на сайте оказалось на удивление много. Едва поздоровавшись, один начинал засыпать меня с порога собственными стихами сомнительного ритма, другой с придыханием сообщал, что пишет грандиозный мюзикл, а третий присылал ссылки на свои «гениальные» творения. Очень быстро я поняла главный секрет этих творцов: им совершен-

но не интересна женщина как таковая. Им нужен преданный зритель в первом ряду, который будет сидеть с открытым ртом и восторженно хлопать в ладоши.

Стоило только не проявить бурного восторга или, не дай бог, аккуратно указать на шероховатость в рифме, как маэстро мгновенно терял интерес, обиженно поджимал губы и сворачивал знакомство. Как только в первом же сообщении звучало многозначительное «Я человек творческий, посмотри мои работы» — я уже знала сценарий наизусть. На этом спектакль для меня заканчивался.

Пятая категория узнавалась буквально с первой строчки — «Раненые волки», или, говоря без лишней романтики, профессиональные страдальцы на полном пансионе. Если непризнанным гениям требовались аплодисменты, то эти искатели приключений охотились за безразмерным сочувствием и мягкой женской грудью, на которой можно удобно устроиться — не столько чтобы выплакаться, сколько чтобы её использовать.

Сценарий у всех был написан как под копирку. У каждого за плечами непременно обнаруживалась ужасная, кошмарная первая (а в скобках — вторая, третья, а то и четвёртая) жена или роковая любовница. Все женщины, которых этот бедняга встречал на своём тернистом пути, оказывались дико меркантильными: одна ободрала его как липку, вторая коварно использовала, третья изменила, а четвёртая и вовсе была отвратительной хозяйкой. Короче говоря, кругом одни

хищницы, и только он — одинокий, непонятый благородный рыцарь.

Но эти бесконечные сказки про плохих бывших набивают оскомину быстрее, чем кислые яблоки. Стоит мужчине в первые десять минут знакомства завести песню о коварстве прошлых жён, как всё становится ясно без перевода. Ему нужна не ты. Ему нужна услужливая подпевала, которая всплеснёт руками и затянет: «Ах, какой же ты бедный, какие же они все паскудные, а вот я — совсем не такая! Иди скорее ко мне, золотой, я тебя пожалею, обогрею, накормлю и обстираю, и ты в этом сам убедишься». Ну уж нет, в этой благотворительной столовой сегодня санитарный день.

Но была на этой ярмарке и шестая категория — публика совсем иного толка. Здесь уже не хотелось ни шутить, ни подбирать меткие прозвища. Это были не смешные чудаки и не безобидные хвастуны, а по-настоящему опасные хищники — те самые, кем вплотную занимаются отделы полиции по борьбе с похищением и торговлей людьми.

Они блестяще знают женскую психологию и бьют точно в самые уязвимые точки. В отличие от горячих кавказских орлов, они никогда не начинают с места в карьер и не засыпают с порога дешёвыми комплиментами. Их оружие — тонкое, вкрадчивое проникновение в душу. На аватарках у них красуются невероятно, кинематографически красивые мужчины с глубоким, грустным взглядом и чувственно приподнятыми бровями. Весь этот образ призван транслировать

исключительность, благородство и трагическое одиночество. В графе «место жительства» непременно значатся манящие, согретые солнцем края: Италия, Испания, Турция или экзотический Алжир.

У каждого из них наготове щемящая душу история. Их совершенно не пугают твои многочисленные дети — напротив, они с тихим восторгом говорят, что всю жизнь мечтали о большой семье, что искали именно такую женщину, что она явилась им во сне, и они сразу её узнали. Они сладко говорят и мягко стелют, шаг за шагом завладевая женским сердцем. А когда у женщины забрали сердце, она уже не слышит доводов рассудка — она готова ехать хоть на край света, хоть в Испанию, хоть в Алжир, или распахнуть двери своего дома перед «суженым», который пообещал любить её детей как родных.

Но за каждым их безупречным словом тянет необъяснимым, леденящим могильным холодом. Это словно смерть с косой, которая нарядилась в пышное бальное платье и вышла на паркет под звуки вальса. Мудрая женщина, обладающая интеллектом и жизненным опытом, считывает эту подмену на уровне древнего инстинкта самосохранения — кожей чувствуя чужую, хищную пустоту за красивыми речами.

Будучи уже далеко не наивной девочкой, я быстро распознала этот почерк и объединила всех этих южных красавцев в один зловещий класс. И в ту же секунду меня словно током ударило — всплыло воспоминание о моей первой виртуаль-

ной любви, о Георгиеве. Все признаки сходились один к одному! По спине побежали ледяные мурашки от осознания того, от какой пропасти меня тогда чудом уберегла судьба. И на этом моменте моя лёгкая ревизия перестала быть просто весёлой игрой.

«Да, — подумала я, откладывая телефон в сторону. — Нормальных мужчин здесь нет, да и просто поржать не с кем». Ревизия была окончена, диагноз поставлен окончательный и обжалованию не подлежащий.

Я твёрдо решила завтра же удалить это приложение как безнадёжно гиблое дело, а для начала просто выключила звук уведомлений — чтобы бесконечные оповещения больше не докучали и не раздражали. Надоело продираться сквозь весь этот цифровой хлам.

Куда приятнее и надёжнее снять с полки старого доброго Булгакова и снова перечитать «Мастера и Маргариту» — там, по крайней мере, и дьявол честнее, и любовь настоящая. Или открыть «Унесённые ветром», чтобы в очередной раз вдохновиться неукротимой Скарлетт ОХара и её любимым правилом: «Я подумаю об этом завтра». С этой мыслью я перевела телефон в беззвучный режим. Казалось, что миссия «чисто поржать» с треском провалилась — я даже не подозревала, что именно в этой тишине на пороге уже стоит человек, который перевернёт всё с ног на голову.

Глава 3. СЕКТОР «ПРИЗ» НА БАРАБАНЕ!

А в это самое время в глухом посёлке, затерявшемся среди бескрайних полей и лесов, сидел у компьютера бывший высокопоставленный военный чин, прослуживший во внешней разведке большую часть своей сознательной жизни и имевший солидное звание — скажем так, для красоты слегка повысим его до генерал-майора. Переехал он сюда из столицы вовсе не в поисках приключений. Так сложилась жизнь: тяжело заболела его жена. Она была родом из этих краёв, здесь находилась могилка её матери, и она попросила провести последние дни на родине и быть похороненной рядом с мамой. Он перевёз сюда семью, чтобы исполнить её последнее желание, но поскольку дети были уже взрослыми, они вскоре разлетелись по своим жизням, и он остался ухаживать за женой совершенно один — без всяких сиделок и посторонней помощи. По иронии судьбы жену его звали так же, как мою свекровь — Машей. Более того, я пять лет ухаживала за своей свекровью — и точно так же пять лет он сам менял памперсы и выхаживал свою больную жену. Когда она умерла, он стал вдовцом. На момент нашего знакомства — с трёхлетним стажем. Некоторое время назад к нему приехал сын, чтобы позаботиться об отце, но его присутствие мало спасало от глу-

бокой тоски. По словам самого генерал-майора, он уже мысленно собирался на кладбище — им не хватило совсем чуть-чуть до золотой свадьбы. Это была главная потеря его жизни, и он даже помыслить себе не мог, что будет с кем-то ещё. Никаких желаний давно уже не осталось. В тот осенний вечер он сидел за компьютером и со всей серьёзностью старого разведчика изучал каталог редких семян томатов для заказа на будущий сезон — благо сажал он их ни много ни мало по полторы сотни кустов! Эта рутина с подбором грунта, высадкой семян, лелеянием рассады и всем календарём работ от семечки до сбора урожая помогала ему просто жить. Генерал-майор был предельно сосредоточен на описаниях: ему хотелось отыскать нечто по-настоящему уникальное. И вот он, наконец, нашёл идеальный, устойчивый к фитофторе и просто улётный сорт, уже прищурился, чтобы запомнить его, как само название этого селекционного чуда наглухо закрыла спустившаяся с небес «Света» — обычная реклама сайта знакомств с завлекательной надписью бота: «Напиши ей привет». Он слегка раздражённо потянулся, чтобы поскорее смахнуть эту неуместную помеху, хотел нажать на крестик, но промахнулся и попал прямо в текстовое поле. Замигал курсор, и он с досадой написал: «Привет». Реклама исчезла, и он в ту же секунду об этом забыл. А в это время я, уставшая до чёртиков, вернулась из леса с тихой охоты — меня свозил знакомый, с которым мы вместе гуляли с собаками. Я принесла домой картофельный мешок опят, десять объём-

ных пакетов разносортных грибов, и довершали эту картину два ведра белых деликатесных красавцев . Стою посреди кухни, смотрю на всё это богатство с тоской, с предчувствием бессонной ночи и заранее затекшей спины (ведь всё это нужно перечистить, переварить и рассортировать: что для холодной засолки, что для солянки, а что для маринования) — и вдруг мне в телефон сваливается вот это: «Привет». Я устало и иронично ответила: — Извини, рыцарь, недосуг. Грибов привезла море. Нужно их оприходовать. Как-нибудь потом займёмся нашим грязным делом. Сообщение пришло к нему в тот момент, когда он совсем забыл о своём «Привете». Он замер перед экраном в полном недоумении: по ту сторону монитора оказался живой человек — не реклама и не бот! Ну а я написала эту фразу и благополучно о нём забыла. Всю неделю я возилась с грибами и всю последующую тоже: грузди засолила сырым способом, остальное пришлось варить, мариновать и замораживать. Следующую неделю я «отдыхала» от грибов — в кавычках, потому что быт и больную свекровь никто не отменял. К тому же я завела от тоски собаку — очаровательную колли Софи — и решила вывести её «в люди». Мы начали ездить по выставкам и гоняться за титулами: я сделала её чемпионкой страны, международной чемпионкой и заработала с ней чемпиона породы. Дел было невпроворот — какие там сайты? И вдруг, среди всей этой кутерьмы, лекарств, памперсов больной свекрови, рингов с собакой и подростковых закидонов моих сыно-

вей (даже младший уже успел подрасти до выпускника средней школы), на меня сваливается сообщение после двухнедельного перерыва: — Так продолжение будет? Мы поговорим? И тут я вспомнила это «Привет». Оказывается, заинтригованный, он просто терпеливо ждал. А так как все грибы к тому моменту были уже закатаны по баночкам, у меня появилось время для этого манёвра. По вечерам, когда дети уходили спать, а Лука — в ночную смену, я вспоминала про свою главную цель — «поржать». Господи, как же я тогда отрывалась! Я рассказала ему на полном серьёзе, что родом вообще-то из Марокко. Что мой отец — неудавшийся, сгоревший разведчик, вынужденный прятаться под чужими именами. Отсюда и моя нелёгкая судьба: в шестнадцать лет еле-еле окончила школу, а дальше — куда податься? Публичный дом, наркотики… В общем, плела такие небылицы и умирала от смеха. Как он мне потом рассказывал, он читал эту ересь и думал: «Что она мне лепит? Какое Марокко?!» Более того, моя нечаянная выдумка о том, что мой отец якобы разведчик, на тот момент его всерьёз напрягла и заставила насторожиться. Сработала многолетняя профессиональная привычка: в голове мгновенно пронеслись тревожные вопросы — случайность это или изощрённая попытка рассекретить его? Но, видимо, интуиция подсказала, что никакой подставы здесь нет, и он благородно подыгрывал мне, отвечая на все вопросы. Правда, поначалу я сразу обратила внимание на его странную пунктуацию и явные сложности с

подбором слов. Для меня, как профессионального филолога и журналиста, это стало тревожным звоночком — вызвало и лёгкое подозрение, и оттенок пренебрежения: «Фу, ну и грамотей…» Но он так тонко шутил и настолько виртуозно поддерживал мой стёб, что у нас завязалась по-настоящему интеллектуальная, искромётная и юморная переписка. Мне было с ним безумно интересно, поэтому я просто махнула рукой на все эти запятые. И только потом узнала, в чём было дело: он прошёл убойную школу внешней разведки, и с молодости ему настолько намертво вбили китайский язык и логику иероглифов, что после долгих лет службы в Поднебесной он до сих пор думал на китайском и порой с трудом подбирал привычные русские слова и знаки препиния. А в один момент, кроме моей сочинённой истории, мне стало по-настоящему интересно: собеседник-то, собственно говоря, кто? И он начал отвечать намёками:

— Моя профессия не из тех, о которых можно говорить вслух. Ну, скажем так, мои любимые фильмы — это «Семнадцать мгновений весны» и «Щит и меч».

А я подумала, что он просто блестяще подыгрывает моей истории! И подыгрывал он с таким тонким чувством юмора, которое меня просто зацепило за живое! И я радостно подхватила:

— А, так ты коллега моего отца! Боже, как приятно познакомиться!

Словом, ржали мы, ржали и, наконец, перешли на житей-

ские темы — без этого ведь никак нельзя, когда люди сближаются. Я рассказала ему свою настоящую судьбу: и про загулявшего первого мужа, и про свой второй практичный замуж, чтобы дети не голодали, и про больную свекровь на руках. В общем, понеслось.

Вскоре он стал говорить, что нам обязательно нужно увидеться. Как увидеться? Я ведь замужняя дама, а он не то что в городе на другом конце страны — вообще в глуши, в деревне. Как я объясню семье и мужу, что еду куда-то в глушь? Он предложил нейтральную территорию — в ближайшем от его избушки на курьих ножках областном центре. Но от этого компромисса встреча не перестала казаться абсолютно нереальной.

К тому же, писать в силу своей профессии я любила и умела, а вот говорить вслух — нет: я привыкла больше слушать, в разговоре сразу путалась, запиналась, стеснялась и всячески избегала звонков. Но всё шло к тому, что мы должны были услышать голоса друг друга. Наш первый разговор состоялся вечером, когда я гуляла с Софи. Как он мне потом признавался: «Когда я услышал твой голосок, это сработало даже сильнее, чем фото. Я сразу понял — это моё, надо брать!».

Поняв это, старый резидент мгновенно включил профессиональную хватку и принялся ловко расставлять сети и закидывать крючки. Увидев, что рыбка-то начинает клевать, он про себя самодовольно улыбнулся — опыт не пропьёшь,

всё-таки разведка дело серьёзное и даёт такие навыки, против которых устоять невозможно. Я же в том разговоре, естественно, больше слушала, а он заливался соловьём и убеждал меня, что нам необходимо встретиться. Я говорила — и в шутку, и всерьёз:

— Ну, послушай, как я к тебе приеду? Я тебя не видела и не знаю, а вдруг ты маньяк какой-то?! Сейчас вон полно историй: вербуют женщин, потом в сексуальное рабство отправляют или на органы… Мало ли что ты тут рассказываешь!

В трубке на секунду повисла пауза, а потом прозвучала фраза, которую я запомнила навсегда:

— Ну да, маньяк. Я маньяк. Знаешь, я перед тобой прост как половая тряпка…

Услышать такое признание от человека, который всю жизнь прослужил во внешней разведке и привык держать в узде целые спецоперации, было выше моих сил. Эта фраза врезалась мне в память навсегда — а шутливое прозвище «маньяк» приклеилось к нему намертво и до сих пор живёт в нашей семье как главный пароль любви… А он трогательно называл меня Кроха. И моя писательская натура даже отложила в редакционный портфель памяти идею будущего романа «Маньяк и Кроха».

Кстати, о литературе. Когда я рассказала ему, что моя повесть опубликована на сайте, и я ищу своего издателя, он назвал имя крупного московского литературного деятеля, ко-

торый был вхож во все издательские круги, и искренне выразил желание помочь. Только добавил с оговоркой: «Мне нужно отыскать старый телефон, где сохранён его номер, а это дело долгое и непростое». Но именно эта его фраза стала для меня идеальной зацепкой при создании легенды. Моя богатая фантазия литератора мгновенно ухватилась за эту ниточку — и я сработала прямо как будущая жена бывшего разведчика: безупречно, чисто и без единого прокола разработала железобетонную версию для своих родных. Знали бы организаторы литературного форума в Лондоне, что, выбрав меня когда-то лауреатом, они, сами того не ведая, перекроили всё моё будущее! Именно та самая заморская премия и стала моим главным козырем и прикрытием. По итогам конкурса один серьёзный сайт государственного масштаба опубликовал мою патриотическую повесть. На этот факт я и опёрлась, сочиняя сценарий для домашних. Официальная версия звучала солидно и убедительно: мол, один крупный человек, высокий военный чин из областного центра, прочитал эту повесть, глубоко впечатлился и теперь жаждет лично встретиться с автором, чтобы помочь с изданием настоящей книги. Такой предлог был абсолютно понятен моей семье. Лука вообще очень высоко ценил мои литературные способности и искренне верил в мой талант — спасибо ему, он даже иногда старался освобождать меня от лишней домашней работы, чтобы я могла спокойно писать. И не раз повторял, что одна удачная книга способна обеспечить писателю и его близким

финансовую свободу на всю жизнь, приводя в пример Джоан Роулинг. Поэтому, услышав о такой серьёзной издательской перспективе, никто из домашних даже бровью не повёл, когда я начала собирать сумку в дорогу… А на другом конце маршрута не меньше моего волновался и мой «Маньяк». К слову сказать, этот боевой генерал был человеком редкой, почти рыцарской закалки. Со дня свадьбы он ни разу в жизни не изменил своей покойной жене. Даже когда она тяжело заболела и сама, видя его многолетнее одиночество, по-женски жертвенно и мудро советовала ему найти кого-нибудь для души и тела, он считал это для себя абсолютно недопустимым и строго воздерживался. За долгие годы верности и тишины желание в нём давно угасло — он сам наложил на себя строжайшее табу и железной волей разведчика запрещал себе даже думать на вольные темы. Он полностью усмирил свою плоть. Но стоило появиться на горизонте мне — с моими «марокканскими» байками, живым смехом и звонками на прогулке с Софи — как эта самая усмирённая плоть вдруг взбунтовалась и властно потребовала разрешения на новую жизнь. Так что меня ждала встреча с самым настоящим маньяком! Сама того не зная, я ещё на заре нашего знакомства выдала это определение абсолютно в десяточку… К слову сказать, перед самым отъездом со мной случилось нечто необъяснимое. Это даже не было сном — я шла из самого обычного магазина, и вдруг, словно в лёгком полуденном мареве, совершенно отчётливо увидела себя в обра-

зе большой белой птицы. Я поднималась всё выше и выше в небо над домом, в котором жила, тихо и протяжно курлыкая, как журавушка. С этой головокружительной высоты я чётко видела и свой старый дом, и речку неподалёку, вдоль берега которой вечерами гуляла с Софи, и всех своих обидчиков, и своих родных, и друзей. Они все остались просто маленькими силуэтами там, внизу, в привычной земной суете — а я легко, свободно улетала прочь. Картина была настолько явной, осязаемой и живой, что она помнится мне до сих пор во всех красках. Наверное, это было одновременно и тайное предчувствие новой судьбы, и моё тихое прощание со старой жизнью. К тому моменту моё сердце уже безраздельно принадлежало ему. Это внезапное, ясное озарение накрыло меня в волшебную ночь накануне моего дня рождения — я вдруг поняла, что этот далёкий человек стал для меня самым близким на свете. И спустя всего две недели после той ночи я уже ехала навстречу своей настоящей женской судьбе. Всё, что было прожито до сих пор с двумя неудавшимися браками — если не считать самого главного счастья, моих рождённых сыновей, — теперь казалось мне лишь затянувшимся, чужим сном, от которого я наконец просыпалась. Под мерный стук колёс ночного поезда я смотрела в тёмное окно и с улыбкой ловила себя на одной удивительной мысли. Я точно знала, что мне не хватает всего одного-единственного процента до того, чтобы со стопроцентной уверенностью сказать: «Это мой мужчина». Пока что он был мужчи-

ной моей мечты — родным по голосу, по письмам, по редкой душевной породе. И этим решающим одним процентом оставалось самое главное: мне нужно было увидеть его вживую и посмотреть прямо в его глаза… А старый разведчик, словно нарочно подливая масла в огонь, всю дорогу дразнил меня и всерьёз угрожал, что приедет встречать меня на вокзал и замаскируется так виртуозно, что я его ни в жизнь не узнаю. В этом заключалась наша особая, весёлая шпионская игра. Но я тоже за словом в карман не лезла и смело принимала этот вызов: — Если это действительно ты, я узнаю тебя из тысячи — даже в образе нищего! К слову сказать, я бросила эту фразу в шутку, просто чтобы поддержать нашу весёлую перепалку, — но в жизни, по удивительной иронии судьбы, она оказалась чистой правдой. Когда-то этот человек был одним из самых состоятельных людей столицы. Но в один момент всё его богатство растаяло без следа — он буквально превратился в нищего, потому что до последней копейки вложил всё в лекарства. Он вообще не жалел никаких средств для любимой жены и до последнего надеялся на чудо, доставая самые невероятные, запредельно дорогие препараты. В итоге былая столичная роскошь растворилась как сахар в горячем чае, зато осталась душа такой редкой пробы, перед которой меркнут любые миллионы. А его вполне приличная по городским меркам пенсия была достойной только в теории — при жизни в городе. В деревне же весь этот бюджет подчистую съедали суровые сельские нужды: дрова на

зиму, бесконечный огород, наём тракторов и прочие радости жизни на земле. И вот поезд, наконец, замедлил ход и мягко подкатил к перрону…

Глава 4. РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ, ИЛИ СВИДАНИЕ ПОД ПРИКРЫТИЕМ

И вот поезд, наконец, начал сбавлять ход. К встрече с судьбой я подготовилась основательно: предусмотрительно заняла вагонный туалет за целых два часа до приезда, то есть в полпятого утра, пока остальные пассажиры ещё мирно похрапывали.

Под мерный стук колёс и лёгкую качку я аккуратно нанесла макияж, надушилась любимым парфюмом, тщательно расчесалась, надела украшения и, сияющая во всеоружии, прильнула к стеклу, вглядываясь в тёмные ночные пейзажи за окном. Сердце колотилось где-то в районе горла — до перрона оставались считанные минуты…

Естественно, в тамбуре на выход я стояла самая первая — опередила даже проводницу! Едва дверь открылась, и в лицо пахнул свежий утренний воздух, я зорко просканировала платформу — и в ту же секунду узнала его! Казалось, во всей толпе встречающих он был один! О, этот взгляд! Взгляд маньяка! Такой озорной, молодой и… пронзительный, внимательный. В нем было всё: интеллект, сила, доброта, надёжность, весёлость — целый фейерверк чувств… Никакая мас-

кировка старого разведчика не сработала против женской интуиции!

В тот же миг недостающий один процент встал на место, и у меня в голове торжественно, на всю вселенную, пробили кремлёвские куранты: сто процентов! Это мой мужчина!

Именно этот победный перезвон заставил меня сделать шаг назад. «Ещё чего! — с улыбкой подумала я. — Нечего лететь сломя голову! Пусть сейчас немного подождёт. Впереди у нас вся жизнь, и этот неповторимый момент нужно растянуть!»

С королевским спокойствием я принялась благосклонно пропускать вперёд многочисленных пассажиров с чемоданами, сумками и баулами. Я, конечно, вышла из вагона не самой последней… Ну, скажем так — пред-пред-предпоследней! Бедный разведчик на перроне за эти минуты буквально умаялся от волнения — ведь он-то успел заметить меня в дверях самой первой, а потом я словно испарилась в недрах вагона… У него даже мелькнула мысль, что я выйду в начале состава, нарочно перебежав вперёд — такова была его Кроха!

Когда я наконец спустилась и шагнула ему навстречу, весь мой игривый боевой задор вдруг сменился удивительной, тихой глубиной. Ещё не было никаких постельных сцен и в помине — ещё лишь только его рука впервые коснулась моей руки, принимая дорожную сумку, а в моей голове уже пролетела шальная, абсолютно трезвая мысль: «Это развод с Лу-

кой. Стопроцентный!». Никаких сомнений, никакого «поживём — увидим». Решение было принято мгновенно и обжалованию не подлежало. И в эту секунду я мгновенно заметила отличие парадного портрета на аватарке от осязаемого человека передо мной. Реальный образ оказался необычайно трогательным — со своими усталыми, глубокими морщинами, с тихой прожитой мудростью и одновременно неразгаданной тайной в глазах. И с такой щемящей, сквозящей нежностью в каждом бережном прикосновении, словно он держал в ладонях хрупкую хрустальную вазу..

Он поцеловал меня так, словно мы знали друг друга сто лет и всего лишь расстались на какое-то время, а теперь, наконец, дождались этой встречи. Он бережно держал меня под локоток, и я чувствовала, как слегка подрагивает его рука. Несмотря на то, что он сыпал какими-то весёлыми прибаутками, я видела, как сильно он волнуется. Было заметно, что он переживает из-за своего внешнего вида и того, как я восприму его возраст — всё-таки ни много ни мало, а двадцать лет разницы! Но его глаза светились таким озорством и молодостью, а сам он был настолько по-юношески задорен, что этой разницы абсолютно не чувствовалось. Я звонко смеялась, и мой смех его сразу подбадривал.

Одет мой генерал был как самый рядовой пенсионер: в поношенную зимнюю куртку из обычной плащёвки, самые простые синие джинсы и видавшие виды, слегка стоптанные ботинки. Ну, чисто скромный дедушка на утренней прогул-

ке — видать, и впрямь решил проверить на прочность моё обещание узнать его в любом обличье! Ну а я же рядом с ним была просто звезда! Постаралась так постаралась: идеальный макияж, пушистые реснички, свежий маникюр, сапожки со стразами, роскошная дублёнка с пушистым мехом, белоснежная кожаная сумка и белые перчатки — всё продумано до мелочей, этакая столичная штучка.

Контраст между нами был просто разительный! Наверное, именно из-за него, когда мы сели на заднее сиденье такси и влюблённо смотрели друг на друга, молодой парень за рулём то и дело с нескрываемым недоумением поглядывал на нас в зеркало, словно на какую-то диковинку Генерал без умолку шутил, склонялся и шептал мне что-то на ушко, а я звонко заливалась смехом. «Вот ведь странная парочка…» — явно читалось на озадаченном лице таксиста.

А мне же рядом с ним было настолько легко и просто, что куда-то мгновенно испарилась вся моя природная стеснительность. Я чувствовала себя так, словно встретила самого близкого, старого друга, и мне было с ним ну просто космически хорошо.

И словно в подтверждение этого чувства, машина привезла нас на нашу конспиративную явочную квартиру — мой Штирлиц снял её заранее, продумав всё до мелочей с настоящей офицерской чёткостью. К слову, ещё на стадии подбора жилья он игриво ставил перед риелторами главную задачу: «Нужна огромная кровать! Вот та квартира, где кровать

мне по-настоящему понравится, и станет нашей».

И надо же было такому случиться — располагалась эта «явка» на улице Космонавтов, в доме номер сто! Настоящий знак свыше: только что на перроне у меня в голове пробили куранты на «сто процентов» — и вот сама судьба привела нас именно в сотый дом, подтверждая попадание «в яблочко». А название улицы обещало самый настоящий полёт в невесомости двух одиноких вселенных, которые, наконец, нашли друг друга в бесконечном космосе и сошлись на одной орбите.

Когда мы переступили порог, я замерла на месте. Кровать и впрямь оказалась огромной, белоснежной, с изящными золотыми вензелями у изголовья. Она выглядела настолько по-королевски, что я даже на секунду зажмурила глаза — мне с трудом верилось, что я смогу на ней просто прилечь.

Дело в том, что у меня дома никогда не было своей настоящей кровати. Всегда стоял сугубо практичный раскладной диван: поспал, утром сложил, на ночь снова разложил, а с рассветом опять собрал — вечная экономия места. Моя спальня по совместительству служила и общей гостиной, а в последние пять лет я и вовсе спала на кухне, потому что свою комнату отдала больной свекрови. Так что подобного королевского простора я в своей жизни просто не знала.

Но даже в этой кричаще интимной обстановке мы никак не могли наговориться — словно наверстывали все прожитые порознь годы. А я, как истинная хозяйка, предусмотри-

тельно захватила из дома целую скатерть-самобранку, чтобы и откормить своего «маньяка», и, чего уж греха таить, немного похвастаться своими кулинарными талантами. Целый баул домашних закаток — баночки с теми самыми осенними грибами на любой вкус, ароматное лечо, хрустящие маринованные огурчики и ассорти из варенья: заветное царское крыжовниковое с орешками в каждой ягодке, пряная брусника с грушами и душистое «малинишное», как ласково называла его Фрося Бурлакова, — предназначался ему с собой, в деревню. А прямо здесь и сейчас мы с аппетитом принялись за горячий чай с румяными блинчиками с творогом и мясом да с пышными домашними котлетами.

Признаться, я всё ждала и втайне по-женски волновалась: ну когда же он начнёт приставать? Это ведь самое естественное ожидание для первого свидания, особенно после всех его игривых речей по телефону! Но ничего подобного не произошло. Лишь лёгкий, почтительный поцелуй в руку, нежный поцелуй в щёчку, бережное поглаживание по волосам — и разговоры, разговоры, бесконечные душевные разговоры. У меня в голове то и дело всплывали строчки из песни с бабушкиной пластинки:

«Разговоры, разговоры, слово к слову тянется. Разговоры стихнут скоро, а любовь останется…»

Ну а дальше случилось совсем неожиданное. Конечно, я готовилась к этой встрече основательно — в моей дорожной сумке лежали не только закатки, но и с любовью выбран-

ная кокетливая ночнушка. Беленькая, коротенькая, едва доходящая до середины бедра, в нежных розочках и с розовым воланчиком по краю; тонкие бретельки-шнурочки, пикантный боковой разрез, открывающий мои стройные ножки, а в ложбинке между грудей — соблазнительный розовый бантик. Наконец-то она дождалась своего часа! К слову, фигуру я держала в отличной форме, занималась танцами и ещё во время нашей переписки не раз присылала генералу свои видео из танцевального клуба.

Когда пришло время ложиться спать, я с лёгким волнением объявила:

— Я в душ.

Взяла эту заветную ночнушечку, скрылась в ванной, и долго стояла под теплым дождиком, намыливая себя ароматным гелем с чувственным ароматом. Вышла в комнату нескоро, с замирающим сердцем — а там никого не оказалось! Как выяснилось, мой маньяк, так же волнуясь, вышел в коридор покурить. Тогда я прошла на кухню, встала у тёмного окна, глядя на ночные огни, и вдруг прямо за спиной почувствовала его горячее дыхание и услышала тихий, восхищённый шёпот:

— Какие ножки, моя королева! – подкрался он совсем непостижимым бесшумным образом!

Он легко подхватил меня на руки и понёс на ту самую огромную кровать. Но там с такой щемящей, рыцарской нежностью принялся гладить меня по волосам, что я вдруг

замерла от незнакомого доселе чувства. Впервые за долгие годы — да что там, пожалуй, впервые в жизни — я ощутила себя именно в тех самых мужских руках: сильных, надёжных, по-настоящему дорогих. Меня окутало такое всеобъемлющее чувство безопасности, бережной заботы и спокойной мужской силы, рядом с которой больше не нужно было ничего тащить на себе, что-то из себя изображать, что я просто-напросто уснула прямо у него на руке. Бессонная ночь в поезде и целый день на ногах, наполненный эмоциями до краёв, мгновенно дали о себе знать.

Я-то сладко спала до самого утра, а вот мой герой не сомкнул глаз ни на минуту, боясь даже пошелохнуться, чтобы ненароком не разбудить меня. И хотя рука затекла до онемения, он стоически выдержал эту бессонную вахту и бережно охранял мой сон.

Ну а когда я наконец проснулась, сладко потянулась и улыбнулась ему, он сказал:

— Я любовался как ты спала, — и случилось то, что должно было случиться. Мы стали близки не только душой, но и телом.

До моего обратного поезда оставалось всего несколько часов — не было времени даже на то, чтобы выйти и осмотреть городские окрестности. Мы встали, на скорую руку позавтракали, ещё немного полежали на огромной кровати, крепко обнявшись, и принялись собираться на вокзал.

Мой поезд должен был увезти меня обратно в прежнюю

жизнь. И если бы вы только знали, какое отчаянное, невыносимое это было чувство! Всё во мне кричало: «Не хочу! Не хочу — и всё!» В ту минуту я готова была на что угодно — хоть как в далёком детстве, поклясться на крови и сделать три надреза на руке, лишь бы остаться с ним. Расставаться даже на короткое время было смерти подобно.

Мы приехали на вокзал. И когда шли через привокзальную площадь, произошло одно удивительное, по-настоящему трогательное происшествие. Генерал так бережно и уверенно держал меня под руку — уже как свою женщину, — а я с такой нежностью смотрела на него, что, наверное, невидимое сияние счастья расходилось от нас далеко по всей округе.

Видимо, этот свет достиг даже местного бомжа, сидевшего неподалёку на вокзальной скамейке. Завидев нас, он вдруг поднялся, шагнул навстречу, широко улыбнулся во весь свой беззубый рот и совершенно искренне, от всей души произнёс:

— Ну, счастья вам, ребята!

У меня в тот момент не оказалось под рукой ничего, чтобы его отблагодарить, и я просто так же искренне, от всего сердца ответила:

— Спасибо вам, и вы будьте здоровы!

А перед самой посадкой в поезд он завёл меня в цветочный павильон прямо внутри вокзала. Продавщица, с тёплой улыбкой поглядывая на меня, спросила его:

— Своей любимой женщине выбираете?

На что мой генерал с тихой, твёрдой гордостью ответил:

— Нет. Моей жене.

И отлично зная, что мои любимые цветы — белые розы, он выбрал семь ослепительно красных, протянул мне букет и с особым смыслом сказал:

— После нашей встречи я не могу подарить тебе белые, прости — только красные. Я тебя люблю.

Когда я зашла в вагон, он дождался, чтобы я выглянула в окно, и, словно влюблённый подросток, принялся рисовать на стекле с обратной стороны сердечки, шепча мне губами и показывая жестами: «Я — у тебя — есть!». А когда поезд тронулся, даже прокричал эти слова вдогонку уходящему составу:

— Помни, я у тебя есть!

По моим щекам текли слёзы. Я ехала в свою прежнюю жизнь только для того, чтобы попрощаться с нею — ибо всё уже было ясно.

А мой Штирлиц, проводив взглядом уходящий поезд, подхватил свои гостинцы и степенно почапал на электричку. Он ехал обратно в свою глушь с тяжёлым пакетом маринованных грибочков, домашнего варенья, а также предусмотрительно отложенными для дегустации сыну румяными блинчиками и котлетами.

Глава 5. КАБЛУЧКАМИ ПО СУГРОБАМ, ИЛИ СЕКРЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ КРОХИ

Из той первой поездки я так и вернулась домой — с букетом ярко-красных роз. Естественно, с порога выкладывать всю правду не стала — пощадила чувства Луки. Более того, я вообще не стала говорить ему, что полюбила — возможно, первый раз в жизни, очень зрело и взаимно. Мы заранее обговорили это с генералом: он мудро посоветовал мне поберечь самолюбие мужа.

— Понимаешь, Кроха, — сказал он мне тогда, — любого мужчину уязвит и оскорбит мысль о том, что его жена полюбила другого.

Да и не в обидах было дело. Характер у Луки вовсе не был тяжёлым — напротив, он был спокойным, ровным, но каким-то совершенно пресным. Наш брак с самого начала был тихим симбиозом — без той самой искры, которой, по большому счёту, никогда и не было.

Лука, возможно, видел всё иначе: с гордостью рассказывал друзьям, как мы одинаково мыслим и наговориться не можем, и поскорее старался ввести меня в свой круг. Я же, напротив, подсознательно противилась всем этим общим

«узелкам» и лишним знакомствам — в глубине души я знала, что это не моя судьба.

Мы просто мирно жили под одной крышей, как брат и сестра. Редкая близость раз в несколько месяцев ничего не меняла: дело было даже не в том, что за стеной находилась его больная мама, — просто таков был его мужской темперамент, вернее, почти полное его отсутствие. А для любой из дочерей Евы жизненно важно чувствовать себя рядом с мужчиной именно женщиной. Рядом с Лукой я ощущала себя кем угодно: сестрой, верным другом, хорошим собеседником, товарищем по интересам, даже близким по духу человеком — но только не желанной женщиной. К тому же он был крайне скуп на живые эмоции и тёплые похвалы.

Да и уходить от него со словами «я полюбила другого» мне совершенно не хотелось — это было бы слишком жестоким ударом по его самолюбию, а причинять такую боль после одиннадцати лет совместной жизни я не желала. Тем более, впереди у Луки был день рождения, и омрачать ему праздник вдвойне не хотелось. Во мне самой жило искреннее чувство тёплой благодарности за тот надёжный материальный тыл, который он мне обеспечил.

Поэтому, едва вернувшись домой, я мягко предупредила его, что в декабре мне снова понадобится отъехать на пару дней по делам. А до этого твёрдо решила отдать Луке последнюю дань уважения и устроить ему по-настоящему шикарный день рождения — с цветами, подарками и всеми го-

стями, кого он сам захочет пригласить.

Я откровенно говорила об этом с генералом и объясняла ему, как тяжело мне жилось до встречи с Лукой: на мне висел тяжёлый кредит за неудавшийся бизнес, порой элементарно нечем было кормить мальчишек, и именно Лука тогда подставил своё плечо. Пусть он и не участвовал в воспитании сыновей, но его материальная поддержка позволила моим детям есть досыта и спокойно расти. Генерал всё понял с полуслова и полностью меня поддержал. Мне хотелось накрыть на этот день рождения такой хлебосольный, душевный стол, как я всегда умела это делать, чтобы в кругу близких людей за ним искренне и от всей души прозвучали слова благодарности за всё хорошее, что было между нами.

В душе я уже твёрдо знала, что мы расстанемся — это решение окончательно созрело во мне в ту самую секунду, когда я сошла с поезда и впервые заглянула в глаза своего генерала. И, как ни удивительно, Лука тоже это чувствовал. Хотя я ни словом не обмолвилась о другом мужчине, а дома всё шло вроде бы как всегда, нота предстоящего прощания, видимо, настолько отчётливо витала в воздухе, что, услышав моё предложение пригласить на праздник всех, кого он захочет, Лука тихо и печально спросил:

— Ну что, в последний раз?

Приближался день рождения, вот-вот должны были прийти гости. Накануне я поговорила с сыновьями и сказала им:

— Мальчики, у Луки день рождения, мы должны как сле-

дует его поздравить.

Я приготовила по-настоящему шикарный стол: испекла свой фирменный пирог с мясом, сделала любимые салатики Луки, подала горячее — словом, стол буквально ломился от яств. Готовить я всегда любила и умела, и в этот вечер вложила в каждый кусок всю свою благодарность за прожитые годы.

Я купила ему в подарок дорогие зимние перчатки из оленьей кожи — знала, как он ценит такие добротные, статусные вещи — и три шикарные фиолетовые хризантемы. Пришли мои родители, собрались дети. За праздничным столом все по очереди поднимали бокалы и желали Луке всего самого доброго — здоровья, счастья, душевного покоя. Мой папа даже сочинил специально к этому дню стихи и с чувством их прочитал. Мама тоже нашла много тёплых слов, да и мальчишки поздравили его по-своему, от души, как могли.

Когда же очередь говорить дошла до меня, я обратилась не столько к самому Луке, сколько ко всем присутствующим за этим столом:

— Спасибо тебе за то, что в самый трудный момент ты подставил мне своё плечо.

А затем посмотрела на сыновей и добавила:

— Дети, я хочу, чтобы вы всегда были благодарны дяде Луке. Чтобы вы всю жизнь помнили: благодаря ему, у вас всегда было всё необходимое и вы ни в чём не нуждались.

Но незримая стена между нами уже стояла, и Лука её ост-

ро чувствовал. Когда гости разошлись, он подошёл ко мне и обнял за плечи. Его руки заметно дрожали. Он прижал меня к себе в последний раз — больше между нами этого уже никогда не было. Я сама поражалась тому, насколько тонко, почти кожей он улавливал происходящее. Обняв меня этими дрожащими руками на прощание, он затем так же тихо и бережно отодвинул меня в сторонку — и это при том, что между нами ещё даже не прозвучал тот самый решающий, роковой разговор, который должен был окончательно расставить все точки над «i».

Я была бесконечно благодарна ему за это тихое, благородное понимание. Того тяжёлого разговора могло бы вообще не быть — он и так всё понял сердцем. Оставалось лишь вслух произнести несколько последних, самых необходимых слов, чтобы окончательно закрыть эту дверь.

Буквально на той же неделе после дня рождения, когда мы однажды остались в квартире вдвоём, я решилась и начала этот непростой разговор:

— Лука, по-моему, ты уже и сам всё понял. Нам нужно расстаться.

Сложилось ощущение, что он ждал этих слов, и бурных эмоций он не проявил. Лишь вздохнул и тихо сказал:

— Ну ладно… Всё же одиннадцать лет вместе... Ну ладно.

Вот это спокойное, смиренное «ну ладно» сразу показало мне, что внутри себя он давным-давно всё пережил и со всем согласился.

И всё же именно потому, что за плечами было одиннадцать лет общей жизни, в глубине души я ждала совсем другой реакции. Мне казалось, что сейчас он встрепенётся и скажет: «Ну что ты, погоди! Ты мне так дорога, я не могу тебя отпустить, давай попробуем всё заново!» — что он наконец-то произнесёт те самые слова, которые давно должен был мне сказать: что я хоть что-то для него значу, что он видит и ценит всё, что я для него сделала. Хоть одно тёплое, искреннее «спасибо» за то, что я буквально подняла из могилы его маму, с душой принимала его детей, родных и друзей, всегда держала для них дом открытым и тёплым.

Но этих слов так и не прозвучало. Вместо них повисло лишь это вялое, безропотное: «Ну ладно…» — словно «уходишь — ну и иди себе». У меня внутри поднялось тихое недоумение, а следом пришло окончательное, кристально ясное понимание: я всё делаю правильно. Если за одиннадцать лет в нём не нашлось ни борьбы, ни тепла, ни даже простого слова благодарности, а лишь смиренное согласие, — значит, уходить нужно без малейших сомнений.

Я посмотрела на него с ровным теплом и добавила:

— Я всегда буду благодарна тебе за то, что в самый трудный момент ты подставил мне плечо. Но прости — я тебя никогда не любила. И я хочу, чтобы всё было по-честному: чтобы ты смог встретить женщину, с которой у тебя всё будет взаимно. А я буду вспоминать тебя с огромной благодарностью и теплом. Мы взрослые люди, общих детей у нас нет. Я

оставляю тебе право забрать из совместно нажитого всё, что ты сам пожелаешь, так что никаких имущественных споров между нами не будет. И думаю, как цивилизованные люди, мы обойдёмся без суда — просто спокойно пойдём в ЗАГС и подадим заявление по обоюдному согласию.

Он кивнул и без единого возражения согласился. Я даже слегка опешила от такой молниеносной уступчивости: обычно, чтобы уговорить Луку хотя бы перевесить полку или вынести ёлку до майских праздников, требовались многонедельные дипломатические переговоры. А тут — развод после одиннадцати лет брака, смена места жительства — и всё одобрено в первом чтении, с той же лёгкостью, с какой соглашаются сходить за хлебом в соседний ларёк! Возникло комичное ощущение, будто я — старое, но вполне исправное кресло, которое хозяин давно мечтал вынести на лестничную клетку, да всё спина не позволяла, а тут кресло вдруг само встало, вежливо попрощалось и пошло к выходу.

Но отправлять его в пустые, неуютные стены я не могла. Ещё до этого разговора я сама прибралась в квартире его мамы, где они жили вдвоём до нашей женитьбы: всё там до блеска вымыла и вычистила, даже наняла специалистов, которые обновили испорченную ванну и заново покрыли её эмалью. Повесила везде свежие шторы, привезла чистое постельное бельё и новое тёплое одеяло — словом, своими руками обустроила для него уютное, обжитое гнездо, чтобы он вернулся не в холодную пустоту, а в настоящий дом.

А после нашего разговора, прекрасно зная, насколько Лука неповоротлив на подъём и как он способен вечно откладывать любое дело в долгий ящик, я твёрдо и чётко обозначила ему конкретную дату переезда.

Ну а дальше меня ждали сюрпризы.

Первым таким сюрпризом стала реакция моих сыновей. Честно говоря, я очень боялась этого разговора и переживала, как мальчики всё воспримут. Но они были уже достаточно взрослыми — старший и средний вовсю работали, да и младший заметно повзрослел, — поэтому говорить с ними я решила открыто, по-взрослому. Мы собрались вместе, и я прямо сказала:

— Ребята, так сложилось, что мы с Лукой решили расстаться. Как вы на это смотрите? Если вы посчитаете, что этого делать не нужно, я обязательно прислушаюсь — ваше мнение для меня очень важно.

И тут меня ждало настоящее удивление: все трое отнеслись к этой новости с полным пониманием и даже одобрением. А старший, Коля, спокойно пожал плечами и выдал фразу, в которой уместилась вся правда последних лет:

— Да нормально, мам. Ты же и так всё сама делаешь.

На этих его словах у меня перед глазами тут же всплыло минувшее лето: как я в одиночку таскала во дворе тяжёлые брёвна, жгла костры до самого неба и своими руками складывала огромные доски в ровные штабеля, без всякой мужской помощи — в то время как Лука сидел дома в тепле и

спокойно листал ленту в своём телефоне. Да, мои взрослые дети давно уже всё видели и всё понимали сами.

Вторым сюрпризом стала реакция моего папы. Её-то я боялась больше всего, ведь на благодатной почве «а не хлопнуть ли нам по рюмашке?» они с Лукой сдружились неслабо. Папа любил посидеть с ним за столом, выпить по рюмочке и вспомнить бывших коллег — ведь когда-то они работали на одном заводе. Почётную, но волнительную миссию сообщить эту новость отцу я дипломатично возложила на маму. Сама мама мой развод горячо одобрила и сразу сказала:

— Ну, наконец-то ты сбросишь с себя это ярмо! Правильно.

А вот реакции папы я ждала с настоящим трепетом. Наконец мама позвонила мне и сообщила, что разговор состоялся и она рассказала ему о нашем расставании. Я с замиранием сердца выдохнула в трубку:

— И что папа?!

— А он сказал: «Давно надо было», — ответила мама.

Вот это было удивление так удивление! В ту же секунду моя совесть, которая до этого робко жалась в углу с чувством вины, расправила плечи, получила очередную генеральскую звезду на погоны и засияла так ярко, что хоть лампочки в прихожей выкручивай.

Ну а третьим сюрпризом стало то, что тихий и благостный Лука оказался отнюдь не святым. В нём вдруг проснулась дремавшая до поры тёмная, удивительно хозяйственная сто-

рона — словно сработал какой-то древний, ещё из первобытнообщинного строя, инстинкт собирательства! Он с таким азартом принялся тащить в свою новую пещеру решительно всё, что плохо лежало, не оглядываясь ни на женщин, ни на детей и не испытывая при этом ни малейших уколов совести. Воспользовавшись моим великодушным разрешением, он решил прихватить с собой буквально всё, до чего дотянулась рука. В список этого «всего» вошли два больших современных настенных телевизора, весь без остатка электроинструмент (который так «активно» помогал мне летом со штабелями досок), новая мультиварка, которая, по его словам, была ему жизненно необходима, и — что поразило меня больше всего — даже кухонные весы и точилка для ножей!

Ни одна мелочь не ускользнула от его зоркого глаза. Разве что дача находилась в сорока километрах от города, и он попросту не успел туда доехать — иначе, пожалуй, вывез бы и оттуда всё, что могло бы удовлетворить его азарт.

Я отдала ему решительно всё, о чём он просил. Единственный раз, когда я вежливо отказала, случился при покушении на третий телевизор — маленький кухонный, который помогал мне не скучать за плитой. Тут уж я не выдержала и сказала:

— Ну, извини, развод — это всё-таки не повод вынести подчистую всю квартиру.

Это был мой первый и последний отказ. В какой-то момент он даже вежливо спросил разрешения забрать кожаную

куртку с шапкой, которую когда-то подарила моему старшему сыну моя подруга-собачница. Я только усмехнулась и уточнила у сына:

— Коля, ты это носить будешь?

— Нет, мам, — пожал плечами он.

— Ну, забирай, — с лёгким сердцем махнула я рукой.

Я с неподдельным интересом наблюдала за всеми этими его хозяйственными манипуляциями. Со стороны казалось, что он всерьёз решил компенсировать себе все одиннадцать лет, прожитые со мной, и каждый вложенный рубль — хотя когда-то не без гордости хвастался моей маме, что из двух предыдущих браков уходил буквально с одним чемоданом, всё до нитки оставляя бывшим жёнам. Впрочем, у меня тут же промелькнула спокойная мысль, что и те рассказы, скорее всего, были изрядно приукрашены: как ни крути, женат он был уже в третий раз. Значит, чем-то он не устроил и предыдущих своих жён — и теперь я уже слишком хорошо понимала, чем именно.

Зная неповоротливость Луки, я ни секунды не сомневалась, что сам он и пальцем не пошевелит, чтобы начать паковать коробки. Поэтому и его вещи, и вещи его мамы собрала и бережно упаковала я сама. Сам он ограничился тем, что вывез нажитое добро, а основной удар по организации переезда снова лёг на мои плечи и плечи моих сыновей.

Когда подошёл назначенный день, Лука начал было тянуть время и сетовать, что его друг занят и не сможет помочь

с машиной. Я спокойно ответила:

— Ничего страшного, я вызову грузовое такси и сама его оплачу.

Удивительное дело, но ровно после этих слов друг тут же чудесным образом освободился и приехал. Поскольку в той квартире всё было уже вымыто и приготовлено заранее, оставалось только перевезти кровать свекрови да её саму. Когда собрали кровать на новом месте, мы с детьми бережно одели маму Луки, аккуратно усадили в такси, привезли в её обновлённый дом и помогли устроиться.

Но и на этом моя забота не закончилась: мне было важно поступить по совести и достойно передать старушку в надёжные руки, ведь я просто не могла мечтать о новом счастье, если бы здесь не закрыла всё по-человечески. Поэтому ещё некоторое время, пока мы параллельно искали хорошую сиделку, я ходила ухаживать за ней — порой даже поздними вечерами, дожидаясь возвращения Луки после смены.

В материальном плане, конечно, настали непростые времена: на работу я только собиралась устраиваться, а три привычных источника дохода — зарплата Луки, пенсия его мамы и пособие по уходу, от которого я честно пошла и отказалась в социальном центре, — уже остались в прошлом. Мой генерал всякий раз деликатно повторял:

— Кроха, помни, я у тебя есть — если тебе только что-то нужно — сразу обращайся, я помогу. Я готов поддержать тебя материально, просто не хочу навязываться.

Но для меня было невыносимо просить у него деньги, пока я не его жена. Я не попрошайка, поэтому решила выкарабкаться сама. На работу я вскоре устроилась — вернулась в крупную московскую газету «Московские вести», из которой когда-то была вынуждена уйти, чтобы поднять на ноги больную свекровь. Но до получения первой зарплаты нужно было на что-то жить — и тогда я отнесла в скупку несколько золотых украшений. Изначально я хотела вернуть их Луке, но здесь он неожиданно проявил благородство и сказал:

— Это мамины вещи. Когда она ещё была в своём уме, она тебя очень любила и подарила их тебе. Я не могу их забрать.

Что ж, хотя бы в этом он поступил достойно. И вот эти украшения — моё обручальное кольцо от брака с Лукой, золотые серёжки и цепочка, подаренные когда-то свекровью, — помогли мне продержаться до первой получки и даже затеять большой ремонт в моей комнате.

Я безжалостно ободрала все пропахшие лекарствами старые обои, выбросила испорченную мебель, которую свекровь в своей болезни успела порвать и поломать. Побелила потолок, поклеила свежие светлые обои, купила новый диван и изящный, компактный компьютерный столик белого цвета, а на стену повесила шикарный гобелен с букетом цветов. И вот в этой обновлённой, дышащей свежестью комнате и мысли в голове стали совсем другими — лёгкими, светлыми, крылатыми. Мечталось о большом, чистом и настоящем. Тем более что мой генерал всегда был на связи и незримо на-

ходился рядом со мной: мы смеялись по телефону, он словно делал этот ремонт вместе со мной, искренне вдохновлялся моими переменами и всякий раз с чувством повторял:

— Как же ты мне нужна в моей берлоге! — но эти восклицания вызывали пока лишь грусть, младший сын заканчивал среднюю школу и это казалось невозможным, разве что мой суженый согласился бы переехать ко мне, в столицу.

— Главное, что есть «МЫ», — с оптимизмом смотрел в будущее мой любимый. — Остальное жизнь расставит по местам.

Пока в редакции «Московских вестей» шло согласование моей кандидатуры, у меня образовалось несколько свободных недель. И в это самое время неумолимо приближался главный профессиональный праздник моего милого Штирлица китайского пошива.

Дерзкий план нагрянуть к нему без предупреждения именно в этот день созрел у меня ещё по пути с нашего первого свидания. Всё-таки шесть часов в обратном поезде с подаренными им розами на коленях располагают к масштабному стратегическому мышлению. На той первой встрече, когда мы проговорили обо всём на свете, он мимоходом обмолвился, что есть в году лишь один-единственный день, когда он достаёт из шкафа свой парадный мундир со всеми орденами, медалями и генеральскими эполетами — 20 декабря. И в этот вечер он, словно настоящий Штирлиц, торжественно наливает себе «боевые сто грамм» за родную внешнюю

разведку.

А ещё, провожая меня, он с таким восхищением посмотрел на мои ноги в джинсах и синих замшевых сапожках со стразами и вздохнул:

— Ах, какие ножки… Как бы я хотел увидеть тебя в красивом платье!

Две эти фразы сработали в моей писательской голове как детонатор. Едва мы успели проститься и на моих пальцах ещё хранилось тепло его рук, я уже точно знала, какой подарок преподнесу ему через месяц. Я решила устроить ему настоящую спецоперацию: не предупреждать ни единым словом, скачать навигатор и по спутниковым картам отыскать его дом — в какой бы лесной глуши он ни прятался. Прямо в поезде я открыла карту со спутника и тут же вычислила его берлогу.

И шикарное платье у меня уже было припасено: я пошила его ещё на прошлый Новый год. Оно было глубокого винного цвета с благородными переливами — из искусственного шёлка, но смотрелось необычайно дорого и женственно. Платье идеально обтягивало фигуру, небольшой дерзкий разрезик приоткрывал бедро, а главный удар наносило роскошное декольте с фигурным вырезом. Ну а моя грудь — это как раз то, чем я всегда могла по праву гордиться: здесь природа меня точно не обидела.

Дополняли образ длинные серёжки до самых плеч с многослойными нитями-висюльками из граната. При малейшем

повороте головы они кокетливо колыхались и едва слышно, мелодично позванивали, притягивая взгляд к шее, подчёркивая женственную чувственность и делая глаза ещё выразительнее. А в фигурное декольте тяжело и благородно ложились гранатовые бусы из пяти нитей — бусины такого глубокого, густого винного оттенка, что на коже они смотрелись по-настоящему царственно и подчеркивали ее белизну. Ну и, конечно, главное секретное оружие любой чувственной дамы — тонкие чёрные колготки и высокие шпильки, делающие ноги ещё стройнее и соблазнительнее. Словом, к этой спецоперации я была готова во всеоружии.

И всё это держалось в строжайшем секрете. Каждый вечер перед сном мы, как обычно, созванивались и рассказывали друг другу, как прошёл день. Мой генерал мечтал о новой встрече, сокрушённо вздыхал в трубку:

— Скорее бы… Я всё думаю, как бы мне ускорить это!

Я же скромно поддакивала, с трудом сдерживая торжествующую улыбку в кулак: старый резидент внешней разведки даже не подозревал, что в моей дамской сумочке уже мирно покоится билет на поезд — туда и обратно.

С московского перрона в его лесную глушь состав отправлялся ночью — в час с копейками. А созванивались мы обычно около полуночи. Чтобы вся операция прошла без сучка и задоринки и матёрый разведчик ни о чём не догадался, я применила высший пилотаж конспирации: как обычно, разобрала постель и забралась под одеяло в ночнушке, вот

только под ней на мне уже были надеты джинсы! А у самой двери в полной боевой готовности замерла собранная сумка — с тем самым винным платьем, гранатами, шпильками и моими фирменными домашними вкусняшками.

Когда в полночь мы созвонились по видеосвязи — генерал с юмором называл эти наши вечерние сеансы общением «по телевизору», — я уже «мирно лежала в постели», и мои веки якобы безнадёжно слипались от усталости. Я так вдохновенно разыгрывала вселенскую сонливость, то и дело прерывая фразы сладкой, протяжной зевотой, что у матёрого офицера внешней разведки не дрогнул ни один радар — у него не возникло ни малейшего предчувствия, ни тени сомнения. Он искренне купился на эту игру и начал меня жалеть:

— Моя Кроха совсем устала… Я очень хотел бы с тобой поговорить, но вижу, что ты едва держишься на ногах, бедная моя девочка, всё тянешь на себе. Ну ладно, отдыхай.

Я же коварно подыграла ему и для убедительности даже немного посопротивлялась:

— Нет-нет, что ты, я ещё очень хочу с тобой поговорить!

А внутри меня тем временем уже вовсю тикал тревожный будильник: «Пора, пора, опоздаешь!» Поэтому спустя минуту я с притворным вздохом приняла его заботу и сонным голосом пробормотала:

— Да, ты знаешь, я, наверное, и правда лягу спать — слишком устала, ты прав…

Мы обменялись поцелуями через экран — никогда в жиз-

ни не думала, что на старости лет буду целовать собственный телефон! Мне даже послышалось укоризненное — от Верочки из «Служебного романа»: «Пенсия на горизонте, а она туда же! Просто сексуальная революция какая-то!». Положив трубку, я с триумфом ухмыльнулась в подушку: выходит, кроме писательского дара, во мне дремали ещё и нешуточные актёрские задатки.

Я со смехом представила, как ничего не подозревающий генерал почесал макушку и со спокойной совестью повернулся на бок к стенке спать. А я тем временем подорвалась из-под одеяла со скоростью ракеты, за секунду натянула свитерок, пуховик и сапожки, схватила свою боевую сумку и кубарем помчалась на вокзал. У подъезда меня уже ждало такси. Благо машина приехала вовремя, а ночные улицы были пустынны, так что на поезд я успела с королевским запасом — за целых десять минут до отправления.

Я была настолько взбудоражена предстоящей встречей и собственным коварным замыслом, что практически не сомкнула глаз всю ночь. Задремала лишь под самое утро — перед самым прибытием на станцию районного городка.

Благо поезд прибывал рано, в шесть часов утра, и у меня впереди оставался солидный запас времени, чтобы спокойно отыскать его берлогу. Зимой в деревне дел немного, огород давно перепахан, так что мой генерал вполне мог позволить себе поваляться в постели подольше. Вот только для 20 декабря снега навалило на удивление много, и я всерьёз

опасалась, что в его крохотном посёлке дороги попросту не чистят. Тем более, что жил он даже не в самом посёлке (в котором и так-то насчитывалось от силы домов десять-пятнадцать), а на хуторе поблизости от него. А тот факт, что от края хутора до его избушки предстояло топать ещё метров пятьсот по заснеженной лесной дорожке, как бесстрастно показывал навигатор, меня, признаться, слегка смущал. Но для настоящей любви нет преград — за спиной у меня выросли такие крылья, которые, как я искренне надеялась, перенесут меня через любые сугробы!

Добравшись на утреннем рейсовом автобусе до его посёлка, я бодро зашагала по центральной улице, носившей говорящее название — Лесная. Судя по навигатору, дом моего генерала, притаившийся на самом отшибе, должен был стать её продолжением, а точнее — самым её началом: он числился под номером один.

Надо сказать, моя изящная городская обувка, рассчитанная на чистые европейские зимы, оказалась совершенно не готова к суровым лесным сугробам. При переходе с главной улицы в глушь на отшибе, на подступах к заветному дому номер один, мне пришлось буквально переползать через несколько высоких снежных заносов — и я с лихвой начерпала снега в голенища своих городских сапожек.

Один сугроб и вовсе оказался мне выше колена. Ноги в мокрых сапожках мгновенно окоченели, руки заледенели:

решив шикануть с самого порога, я надела не тёплые шерстяные варежки, а тонкие изящные дамские перчатки. Выглядело это, спору нет, невероятно красиво — но было зверски холодно! Однако я не сдавалась: бодро пробивалась сквозь снег к заветной цели и звонко, на всю округу распевала:

«Чтобы тело и душа были молоды, были молоды, были молоды, ты не бойся ни жары и ни холода, закаляйся, как сталь! Физкультура! Ура-ура! Будь готов!»

От моего боевого клича с ближайшей заснеженной ветки врассыпную брызнули пузатые снегири — честно говоря, я так громко горланила не только от избытка чувств, но и потому, что в этой глухой чащобе подспудно побаивалась волков.

Наконец сквозь деревья показались высокие зелёные железные ворота. Тут я зачем-то заговорщицки подмигнула стоявшей рядом высокой сосне — словно за её стволом в засаде затаился невидимый мне охранник — и приложила озябший палец к губам: тсс! Ворота и забор его дома были выкрашены в густой зелёный цвет — я тихо засмеялась, вспомнив, как мой генерал с гордостью говорил, что зелёный — его любимый цвет, самый настоящий, военный.

В половине десятого утра я уже подпирала эти зелёные ворота. «Вот так незадача», — растерянно подумала я. Генерал-то привык поздно ложиться и поздно вставать — проснётся он в лучшем случае часам к одиннадцати, а я на этом морозе уже окоченела до чёртиков. И что же теперь

прикажете делать?!

Вокруг — ни единой живой души, только девственные сугробы по пояс да безмолвные сосны. Единственным свидетелем моего шпионского триумфа оказалась какая-то наглая, любопытная ворона на нижней ветке. Она склонила голову набок и уставилась на меня так требовательно и осуждающе, словно я по условиям конспирации просто обязана была немедленно выдать ей кусочек сыра за молчание. А где-то там, в синей гуще сосен, наверняка уже привстали на задние лапы предполагаемые волки — прищурились сквозь хвою и обмениваются мнениями на волчьем языке: «Слушайте, мужики, сколько в этом лесу живём, но такой отчаянной дуры ещё не видели — припёрлась в глушь в девять утра с полными сапогами снега, в дамских перчатках и с дорожной сумкой!» Обидно, право слово: ведь ни одному волку не объяснишь, что у этой дуры в сумке лежат туфельки на шпильках!

Но не портить же такой шикарный сюрприз всего в полутора-двух часах от пробуждения генерала! Я стоически решила держаться до победного. Чтобы окончательно не превратиться в ледяную скульптуру, я принялась бодро припрыгивать на месте — точь-в-точь как герой «Иронии судьбы» у чужого подъезда на Третьей улице Строителей. Только если Женя Лукашин на морозе отчаянно кричал: «Пить меньше надо! Надо меньше пить!» — то я со смехом ловила себя на мысли, что даже я, в жизни не пьющая водку, сейчас бы от пятидесяти граммов согревающего напитка точно не отказа-

лась.

Но ещё через полчаса я продрогла до самых костей и всё-таки решилась на осторожную разведку боем — отправить ему самое обычное, невинное «Доброе утро». Саму себя я мигом уговорила железобетонным алиби: ну мало ли, проснулась я пораньше у себя в Москве, срочно понадобилось сбегать в магазин, вот и черкнула любимому пару тёплых строк:

«Доброе утро, дорогой! Как ты там?»

На моё изумление, генерал ответил мгновенно! Я-то уже морально приготовилась к тому, что мне придётся ещё добрый час отплясывать у забора до его пробуждения, пока он протрёт глаза и заглянет в телефон. А на экране тут же вспыхнуло:

«Доброе утро, Кроха. Да что-то не спится сегодня. Ночь просто рябиновая…»

«Видимо, сердце разведчика всё-таки почуяло неладное!» — радостно подумала я и уже потянулась нажать кнопку вызова, но в последнюю секунду притормозила: «А собственно, с какой стати я должна раньше времени разрушать конспирацию? Нет уж, звонить не буду — пусть помучается!» И вместо звонка коварно отправила в чат самое невинное, на первый взгляд, сообщение:

«М-м, так может, мы и кофе вместе попьём? Я бы от чашечки не отказалась…»

Генерал с готовностью отозвался:

«Ну ладно, тогда иду заваривать кофе».

Он, бедняга, так ничего и не заподозрил — решил, что я просто предлагаю ему наш привычный утренний ритуал: чокнуться чашками через экран «телевизора» с бодрящим напитком!

— Ну, держись, товарищ генерал! — прошептала я и, едва сдерживая рвущийся наружу хохот, набрала его номер и сказала в трубку:

— Так ты там на две чашечки заваривай…

Соображал он всегда быстро. Сначала повисла звенящая, растерянная пауза, а затем в трубке раздалось его совершенно обескураженное бормотание:

— Не понял…

В следующую секунду громко хлопнула дверь дома. Я озорно прижалась к самому уголку забора, затаив дыхание. Зелёные железные ворота распахнулись. Генерал вышел на крыльцо дорожки, по привычке быстро оглядел пустую заснеженную округу и поначалу даже не заметил меня, притаившуюся сбоку у самых ворот. Но через мгновение он резко повернул голову, наткнулся на меня взглядом — и замер в полном, оглушительном изумлении. В его глазах в ту секунду вспыхнуло нечто непередаваемое — настоящая взорвавшаяся вселенная. Шпионская выдержка окончательно дала трещину, и всё, что смог вымолвить матёрый генерал внешней разведки, было ошеломлённое, счастливое:

— Ты что творишь?!

Подозреваю, что эта фраза вырвалась у него при взгляде на мой отчаянно посиневший от мороза нос. И тут же следом, абсолютно растерявшись, он по-командирски рявкнул :

— А ну, марш домой!

Я звонко смеялась, а он просто обалдел. Эту картину невозможно описать во всех красках: на его лице застыло такое выражение, словно он до сих пор не мог понять, во сне это с ним происходит или в самой настоящей реальности.

Стоило мне переступить порог, как дом мгновенно наполнился моим звонким смехом — после всех часов шпионской конспирации и ледяных сугробов я наконец-то отпустила себя на волю и хохотала от души, сколько хотела. Генерал тут же подхватил этот смех, заразительно расхохотался вместе со мной и всё повторял в полном изумлении:

— Не, ну как ты здесь?! Как ты меня вообще нашла? Как ты здесь оказалась?!

А потом вдруг осекся, с комичной серьёзностью ущипнул себя за руку и переспросил:

— Нет-нет, подождите… Я точно не сплю?!

Убедившись, что я самая настоящая, он без лишних слов усадил меня к себе на колени, расстегнул рубашку и бережно спрятал мои ледяные, окоченевшие на морозе пальцы себе под мышку — отогревать своим теплом. Он смотрел на меня такими безмерно счастливыми глазами, что одно это мгновение с лихвой окупило все лесные сугробы и то, что я насквозь промёрзла под его воротами.

Я быстро отогрелась, и вскоре мы уже сидели рядом, пили тот самый обещанный утренний кофе — на две чашечки! — и, заливаясь смехом, вспоминали наш полуночный сеанс связи: как я сонно зевала в экран и «добросовестно» укладывалась спать, а буквально через полчаса уже мчалась в ночном поезде навстречу к нему.

День пролетел совершенно незаметно, и вот уже стал сгущаться зимний вечер. Мы были в доме совсем одни: сын моего любимого пропадал в этот день у друзей. Я приготовила вкусный ужин, а генерал, верный своей главной традиции, надел свой парадный мундир.

Когда он вышел ко мне, у меня буквально перехватило дыхание от восхищения — ну настоящий герой! Сияющие ордена и медали на груди, золотые эполеты, алые генеральские лампасы — всё это настолько ему шло, что глаз было не оторвать. Передо мной стоял подлинный мужчина, сошедший словно с кадров великого фильма «Офицеры».

Но и у меня был припрятан второй залп на поражение. Прежде чем садиться за праздничный стол, я с самым невинным видом улыбнулась и сказала:

— Подожди минуточку, дорогой, я только носик припудрю…

Его лесная «избушка на курьих ножках» на поверку оказалась огромным, добротным деревянным домом на целых пять комнат. В одной из них я без труда укрылась и за считанные минуты облачилась в свою главную боевую «кольчу-

гу», припасённую ещё с московских сборов: то самое струящееся шёлковое платье глубокого винного цвета, гранатовые нити в ушах и на шее, чёрные колготки и высокие шпильки. И когда я тихо приоткрыла дверь и вошла на кухню под тонкий перезвон гранатов и чёткий цокот каблучков по деревянным половицам, я чувствовала, что просто сияю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.